
СЕРИЯ

**«ВЕЧНЫЕ»
СЮЖЕТЫ
И ОБРАЗЫ**

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РАН

**УТОПИЯ
и ЭСХАТОЛОГИЯ**
В культуре
русского модернизма

МОСКВА «ИНДРИК» 2016

УДК 821.161.1.09

ББК 85.1

У 85

Издание осуществлено
за счет гранта Российского научного фонда (РНФ),
проект № 14-18-02709

Редакционная коллегия серии
«“Вечные” сюжеты и образы»:
А.Г. Гачева, Е.В. Глухова, В.В. Полонский,
А.Л. Топорков (председатель)

Ответственные редакторы выпуска:
О.А. Богданова, А.Г. Гачева

Члены редколлегии:
С.А. Серегина, М.В. Скороходов

Рецензенты:
д. филос. наук М.А. Маслин
д. филол. наук Н.М. Солнцева

Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма /

Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. —

М.: «Индрик», 2016. — 000 с., илл.

(Серия «“Вечные” сюжеты и образы». Вып. 3.)

ISBN 978-5-91674-400-2

В основу книги положены материалы международной научной конференции «Утопия и эсхатология в литературе, искусстве и философской мысли русского модернизма» (Москва, ИМЛИ РАН, 24–27 июня 2015). Авторы статей рассматривают соотношение утопического и эсхатологического типов сознания, показывают, как в русской культуре первой трети XX в. воплощались темы кризиса цивилизации, конца истории, «идеального строя жизни», искусства как теургии. Особое внимание уделяется трансформации «вечных» идей и сюжетов, преосмыслению образов Откровения Иоанна Богослова.

Книга адресована филологам, философам, искусствоведам, всем интересующимся историей отечественной культуры.

© Текст, коллектив авторов, 2016

© Оформление, Издательство «Индрик», 2016

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие 000

Утопия и эсхатология: ФИЛОСОФСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.А. Хренов. Утопическое сознание в России
рубежа XIX–XX вв.: от модерна к хилиазму 000

Н.Г. Полтавцева. Модерн как стиль культуры и утопия:
некоторые аспекты взаимодействия 000

Т.Д. Суходуб. Критика утопии как типа мышления
в русской философии первой трети XX в. 000

В.В. Варава. Рождение философии
из духа эсхатологии (Опыт русской мысли) 000

А. Савицкий. Мышление эсхатологическое
и мышление утопическое 000

О.М. Седых. «Тоска по мировой культуре»:
поэтика и утопия русского модернизма 000

М.М. Шibaева. Феномен панэстетизма
в контексте русского модернизма 000

О.А. Казнина. Критика социального утопизма
в русском религиозном персонализме. 000

А.Г. Гачева. Идея оправдания истории
и активно-творческий эсхатологизм
русской религиозно-философской мысли
конца XIX — первой трети XX в. 000

Е.М. Титаренко. Утопия и иеротопия:
образы сакрального пространства
в супраморализме Н.Ф. Федорова 000

О.А. Богданова. Дворянская усадьба Серебряного века
в пространстве ретроспективной утопии 000

О. Пфау. Утопия — проекция в будущее
или реализация существующего?
Влияние русских религиозных мыслителей XIX в.
на формирование концепции утопизма у Э. Блоха 000

Н.Н. Смирнова. Созерцание и откровение
в теории творчества М.О. Гершензона 000

Е.Ю. Кнорре (Константинова). «Китежане» 1920-х:
М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский,
Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель
самоопределения в социокультурной среде 000

В.Н. Катасонов. Наука и утопия 000

И.В. Желтикова. Утопия и образ будущего
в русской мысли конца XIX — начала XX в. 000

Утопия и эсхатология
в музыке и изобразительном искусстве

О.С. Давыдова. Символизм как предчувствие утопии:
скрытые смыслы модерна 000

К. Бланк. Петроград М. Добужинского 000

А.А. Ровнер. Утопическая и эсхатологическая тематика
в русской музыке конца XIX и начала XX в. 000

С.Р. Федякин. Утопия Александра Скрябина
и антиутопия Сергея Рахманинова 000

А.А. Меерзон. Эсхатологические образы
в литературном творчестве композитора
Алексея Станчинского 000

Утопия, антиутопия, эсхатология:
из опыта русской литературы

Т.А. Касаткина. Явление эсхатона:
феномен Ф.М. Достоевского на рубеже XIX–XX вв. 000

А. Дуккон. Эсхатологичность Ф.М. Достоевского
в интерпретации Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова 000

Н. Андрич. Эсхатологическая тема в трилогии
Дмитрия Мережковского «Христос и Антихрист» 000

Е.Л. Куранда. Мания власти в романе-фантазии 000

Л.Н. Урванцова. «Общество нормальных людей» 000

Н.Н. Арсентьева. Утопия социальной справедливости
в комедии Аристофана «Плутос» и пьесах
Леонида Андреева «Анатэма» и «Царь Голод» 000

О.А. Симонова. Образ «вавилонской блудницы»
в русской литературе начала XX в. 000

С.А. Серегина. Н.А. Клюев и голгофское христианство:
к истории вопроса 000

Т.Б. Батыр. Он «в море не искал таинственных утопий»:
антиутопии и практопии В.Я. Брюсова 000

М.Л. Спивак. «Солнечный град» Андрея Белого: с Кампанеллой и без Кампанеллы	000
Е.В. Глухова, Д.О. Торшилов. Социальная и языковая утопия в творчестве Андрея Белого революционных лет.	000
М.А. Ариас-Вихиль. Планетарная утопия философии коллективизма: каприйский эксперимент.	000
Н.В. Михаленко. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова в контексте утопических произведений начала XX в.	000
Дж. Джиганте. Отражение конца эпохи в произведениях Александра Чаянова. Между утопией и ностальгией	000
Е.А. Папкина. Роман Вс. Иванова «Голубые пески»: границы утопии	000
И.И. Матвеева. Апокалипсис по-советски: эсхатологические мотивы в произведениях сатириков 1920-х гг.	000
Е.Г. Чернышева. Драматургические версии «неудостоверенного» мира: «Елизавета Бам» Даниила Хармса и «Дураки на периферии» Андрея Платонова в утопической и эсхатологической проекциях	000
Н.В. Дзуцева, В.В. Кулыгина. Эсхатологическая символика в «Римском дневнике 1944 года» Вячеслава Иванова	000
Е.А. Михеичева. Леонид Андреев — Даниил Андреев: оппозиция и диалог эсхатологического и утопического сознаний	000

Е.Н. Ратникова. Образ будущего с точки зрения Даниила Андреева	000
М.В. Яковлев. Эсхатологическая символика в драматической поэме Даниила Андреева «Железная мистерия»	000
Б.А. Ланин. Русская литературная антиутопия: от модернизма к постмодернизму	000
Список иллюстраций	000
Список сокращений	000
Сведения об авторах	000
About the authors	000
Именной указатель	000

О.А. Богданова (Москва)

ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ
РЕТРОСПЕКТИВНОЙ УТОПИИ

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 14-18-02709)
и в ИМЛИ РАН

Утопии делятся на проективные и ретроспективные. Проективные содержат план и разработку деталей будущего идеального общества. Ретроспективные утопии обнаруживают идеальное состояние мира в прошлом, в мечтах о минувшем «золотом веке» или Эдеме, описывают уже как будто утраченную гармонию. Это воспоминание об ушедшем времени и намек на то, что его надо вернуть хотя бы в некоторых чертах.

Разновидностью ретроспективной утопии в русской культуре XIX–XX вв. стала так называемая консервативная утопия, ярко проявившаяся в прозе и эссеистике Н.В. Гоголя и старших славянофилов (см.: Егоров 2007, с. 185–196). Эта утопия теснейшим образом связана с русской дворянской усадьбой.

В гоголевских «Выбранных местах из переписки с друзьями» есть письмо под названием «Русский помещик» (1846), в котором отразились черты дворянской усадьбы как утопического идеала. Во главе угла, по Гоголю, должна стоять личность помещика-«патриарха» как устроителя христианской общины, состоящей из крепостных крестьян. Это обеспечит его подданным не только загробное спасение душ, но и — что характерно для утопии — счастливую жизнь на земле и материальное благосостояние: «И в которую деревню заглянула только христианская жизнь, там мужики лопатами гребут серебро» (Гоголь 1992, с. 163). О гоголевской утопии как прямом развитии античной мифологемы «золотого века» свидетельствуют обращенные к адресату-помещику слова: «<...> относительно всяких нововведений ты умен и смекнул сам, что не только следует придерживаться всего старого, но всмотреться в него насквозь, чтобы из него же извлечь для него улучшение» (там же, с. 163–164). А следующие рекомендации писателя прямо-таки буквально выполнил самый знаменитый русский помещик, впрочем, закончивший свой путь «бегством» из усадебного яснополянского «рая» в 1910 г. (см. заглавие книги: Басинский 2010). Вот они: «В комнате не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянских работах»; «возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок» (Гоголь 1992, с. 164–165). Почему же разрушился усадебный «рай» Л.Н. Толстого? Не потому ли,

что он пренебрег двумя другими рекомендациями Гоголя: не учить мужиков грамоте для чтения «пустых книжонок» и подружиться с сельским священником? (там же, с. 165–168). На деле причина — в наступлении другой эпохи: на рубеже XIX–XX вв. утопический план под названием «русская дворянская усадьба» не имел шансов на реализацию, так как сама «усадебная культура» практически сходилась на нет.

Что же такое дворянская усадьба? Внешне это комплекс зданий и сооружений разного назначения, помещенных в природный ландшафт сельской местности. Внутри себя — сложно организованное учреждение, можно сказать, институт. В самом деле, в 1762–1861 гг., пока усадьба была основной формой организации сельской жизни в России, она выполняла следующие разнородные функции: административную (подушная подать, рекрутский набор и т.п.), хозяйственно-экономическую (занятия земледелием, скотоводством, бортничеством и т.д.), социально-протекционистскую (помещики обязаны были заботиться о благосостоянии крестьян, создавали зерновые фонды на случай неурожая, строили школы, больницы и т.п.), культурно-просветительную (крепостные художники, крепостной театр, обучение крестьян ремеслам и т.п.), нравственно-духовную (покровительство церкви, воскресные школы для крестьян; личный пример более возвышенных интересов в жизни, чем материальные, давали многие из помещиков), религиозно-философскую (обретение «образованным сословием» смысла жизни благодаря труду на земле, деятельному добру, приобщению к национальной стихии и т.д.). Дворянские усадьбы были «явлением многогранным», но в первую очередь — «центрами формирования, развития и сохранения доминантных черт отечественной культуры» (Топорина, Голубева 2015, с. 124).

Помещик-дворянин как хозяин и нередко управляющий своего поместья и усадьбы играл выдающуюся роль в русской жизни XVIII — первых двух третей XIX в. Указ «О вольностях дворянских» (1762) и данная Екатериной II «Жалованная грамота дворянству» (1785) много способствовали появлению в России европейски образованного и материально независимого культурного сословия. Освободив дворян от обязательной государственной службы и закрепив за ними право собственности на землю и населявших ее крестьян, новые законы инициировали бурный рост усадебного строительства, создание по всей России многочисленных «дворянских гнезд» и будущий расцвет

«усадебной культуры».

Парадокс русской истории конца XVIII — начала XIX в. состоял в синхронности двух разнонаправленных процессов: обрисованного выше «освобождения» дворянства, с одной стороны, и все большего закрепощения крестьянства — с другой. Первоначально обеспечивавший определенное социально-экономическое равновесие институт крепостного права (когда материальные нужды занятых на государственной службе дворян удовлетворялись закрепленными за ними крестьянами) после изменения статуса дворянства выродился на практике в крепостное рабство, возмущавшее религиозное и нравственное чувство многих просвещенных душевладельцев. Тем не менее им было обусловлено само существование и процветание наиболее культурного и свободного сословия в стране, создавшего непреходящие ценности в области государственного строительства, социально-экономической деятельности, научного и художественного творчества. Тесная связь между крепостным правом и сословным значением дворянства еще в 1861 г. была неоднократно отмечена И.С. Аксаковым на страницах газеты «День» (см.: Аксаков 2002, с. 619, 624, 633). На крепостном праве «покоилась, пусть извращенная в своей основе, но все же определенная независимость дворян от власти — то, без чего культура невозможна» (Лотман 1994, с. 28). Отмена крепостничества в 1861 г. стала рубежом, после которого начались упадок и разрушение русской «усадебной культуры», достигшие апогея в годы Первой мировой войны (1914–1918). Уникальность этого феномена в мире, его национально-русская самобытность — в том, что «усадьба была материальным и социальным обрамлением культурной жизни исключительного масштаба и резонанса» (Рузвельт 2008, с. 457).

В самом деле, именно здесь происходило практическое воссоединение двух разобщенных со времени реформ Петра I частей русской нации: дворянства и крестьянства (см., к примеру, «Повести Белкина» и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина), а также духовенства (отражение этого факта — в главе «Поп» поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»), — что способствовало восстановлению национальной культурной целостности. В процессе усадебной жизни неизбежно происходила диффузия европейского (дворянского) и традиционно-патриархального (крестьянского) миров (показанная, например, в повести И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»). Таким образом,

«усадебная культура» становилась синтезом европейского и народно-самобытного начал в русской жизни, что особенно ярко изображено Л.Н. Толстым на тех страницах «Войны и мира», где описана жизнь Ростовых в Отрадном.

В «Очерках прошлого» (1910–1911) М.О. Гершензон с ностальгией, присущей «беспочвенно»-интеллигентскому Серебряному веку, воспроизвел быт и нравы усадебной жизни в Долбине¹ и связал именно с этим укладом возникновение особого типа культурных деятелей. Родители Ивана и Петра Киреевских соединяли «с почвенностью замечательную <...> образованность»: знание нескольких иностранных языков, умение музицировать, переписку с выдающимися деятелями западноевропейской культуры, занятия медициной и естественными науками, любовь к художественной литературе и т. д. При этом в Долбине сохранялась «во всей силе та близость усадьбы с народом, тот открытый приток народного элемента в господскую жизнь, которые отличали помещичий быт старого времени». Братья Киреевские, по мысли Гершензона, были «отростками» «культуры старого поместного дворянства, еще не оторванной от народной почвы, напротив, во многом близкой к ней и сознательно дорожившей этой близостью». Неудивительно, что в славянофильстве как целом «обрела себе голос народная стихия», что его представители «были в своем мышлении каналами, чрез которые в русское общественное сознание хлынуло веками накопывшееся, как подземные воды, миросознание русского народа» (Гершензон 1989, с. 317, 319, 349). Последнее было рационализировано, оформлено и развито средствами европейской теоретической и художественной мысли, стало не только русской общенациональной ценностью, но достоянием всего культурного человечества. Интерференция двух составляющих «усадебной культуры» XIX в. дала резонансный эффект — великую русскую классическую литературу (подробнее см.: Богданова 2008, с. 61).

Славянофильство было, пожалуй, самым значительным и непосредственным выражением «усадебной культуры», однако во многом она определила и миросозерцание дворян западнической ориентации (например, творчество А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского 1840-х гг., Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина 1850-х гг., поэзию Некрасова и др.). Более того, именно западники внесли определяющий вклад в создание «усадебно-

1 Имени славянофилов Киреевских.

го текста» русской литературы (см.: Щукин 2007, с. 326), который послужил серьезным подспорьем для появления в России XIX в. целого пласта интеллектуально независимых индивидуально-стей-личностей. В Спасском-Лутовинове² и на даче в Соколове³ предпринимались попытки практического применения, в том числе и по отношению к людям из народа (см., например, рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч»), «главного идеала западников — мечты об уважении к достоинству отдельно взятой человеческой личности, которое и составляет главную цель исторического прогресса» (Щукин 2002, с. 184).

В XX в. в СССР сложились трудно разрушаемые стереотипы восприятия русской дворянско-усадебной жизни. Акцентировались только ее отрицательные стороны: крепостное рабство, политическое бесправие крестьянского сословия, возможность произвола и злоупотреблений со стороны помещиков и чиновников (гневно обличаемые в творчестве А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова и др.). Положительные черты «усадебной культуры» (как по-своему эффективного способа организации сельской жизни в стране на определенном историческом этапе), отраженные в ряде произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя (2-й том «Мертвых душ»), В.А. Соллогуба, Л.Н. Толстого и др., затенялись и замалчивались. Более объективное отношение к феномену русской дворянской усадьбы, понимание ее определяющего значения в культурной судьбе России «петербургского периода» начали складываться только с 1990-х гг. (см., например: Каждан 1997; Рузвельт 2008; Дмитриева, Купцова 2008; Богданова 2008; Городнова 2010; Топорина, Голубева 2015). Тем не менее очевидна неоднозначность роли крепостного уклада в расцвете и упадке русской «усадебной культуры» — как ее социально-экономического фундамента и «ахиллесовой пяты» одновременно.

В последней трети XIX — начале XX в. на первый план выдвинулся религиозно-философский аспект «усадебной культуры»: обретение смысла жизни благодаря труду на земле (толстовские общины, подражавшие усадебным экспериментам героя «Анны Карениной» Константина Левина) и приобщение к национально-православной деревенской стихии (судьбы героев романа Достоевского «Подросток», народная тема в «Брать-

2 Имени Тургенева.

3 Имени Герцена.

ях Карамазовых»). На рубеже XIX–XX вв. важнейшим для «усадебной культуры» становится также философско-эстетический аспект — синтез природы и культуры в рамках усадебной жизни (повести и рассказы И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.Н. Толстого и др.).

Все это сопровождалось параллельными процессами социально-экономической деградации дворян и крестьян, изменением сословного состава помещиков (см., например, повесть Бунина «Деревня»). Еще Пушкин и Гоголь указали на неразрывность интересов дворянства и крестьянства, их органическое единство в рамках усадебной и, шире, помещичьей жизни. Разрушение и уничтожение усадеб перед лицом нового, пореформенного способа организации сельской жизни в России — земств — показано, в частности, А.П. Чеховым («Дом с мезонином» и др.). Эти учреждения, возникшие в результате либеральных реформ 1860-х гг. (крестьянской, земской, судебной и т. д.), были призваны осуществлять социально-экономические функции прежней дворянской усадьбы в новом формате, обусловленном личной свободой и наличием земельной собственности у крестьян. Однако расслоение крестьянства, его отрыв от традиционно-патриархальной культуры, миграция в города и маргинализация (см. очерки и рассказы Г.И. Успенского, М. Горького и др.) привели к разрушению межсословного усадебного единства не только в экономической, но и в религиозно-культурной сфере. Об усилившемся в начале XX в. мирозерцательном противостоянии помещиков и крестьян писали И.А. Бунин, Андрей Белый, А.А. Блок, А.Н. Толстой и мн. др. С конца XIX в. «усадебное мироощущение», в основе которого — «чувство преемственности поколений», «укорененность человека в исторической почве», сменялось «мироощущением дачным» (Дмитриева, Купцова 2008, с. 161), исчерпывающе отраженным в творчестве Чехова («Попрыгунья», «Крыжовник» и др.), Горького («Дачники» и др.) и др.

Однако знание о «реальном разрушении усадьбы» в Серебряном веке парадоксально способствовало «воскрешению усадебной темы», составившей «мощный пласт» литературы этой эпохи (Дмитриева 2002, с. 287). Так, в июле — сентябре 1910 г. вышел специальный выпуск журнала «Старые годы», посвященный усадьбе, с программной статьей Н.Н. Врангеля «Помещичья Россия»; художники-мирискусники (М.Ф. Якунчикова, М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа) много работали «над живо-

писным образом-стилизацией русской усадьбы» (Дмитриева, Купцова 2008, с. 300); в 1913–1917 гг. издавался журнал «Столица и усадьба», на страницах которого были опубликованы материалы о 126 «дворянских гнездах». Все эти темы и начинания объединялись введенным Бенуа понятием «пассеизм», подразумевавшим попытку «жить в прошлом», «страстное предпочтение прошлого настоящему» (цит. по: Адамович 1996, с. 380). Думается, в «пассеизме» нашла выражение тяга интеллигентской культуры Серебряного века к дворянской усадебной «почвенности», устойчивости, которой сам Серебряный век уже не обладал. Ностальгический разрыв этой эпохи с дворянско-усадебной культурой выразил в 1912 г. Н.А. Бердяев: «Нам нет возврата к славянофильской уютности, к быту помещичьих усадеб. Усадьбы наши проданы, мы оторвались от бытовых связей с землей. Но мы живо чувствуем красоту этих усадеб и благородство иных чувств, с ними связанных» (Бердяев 2005, с. 83).

Нараставшие темпы маргинализации и массовизации народа — традиционного носителя «предания», культурной преемственности — побудили многих деятелей Серебряного века с ностальгией обратиться к утрачиваемым патриархальным началам. С неприятием «мещанства» сопряжено не только появление «пассеизма», но и возрождение славянофильства и народничества в 1910-е гг. Все эти течения исторически связаны с русской деревней и дворянской усадьбой.

Как говорилось выше, ретроспективную утопию из русской усадебной жизни в середине XIX в. начали создавать уже старшие славянофилы. Возрождение славянофильства в 1910-е гг., деятельность авторов издательства «Путь» (Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрна, Н.А. Бердяева и др.), безусловно, способствовали реанимации славянофильского усадебного идеала в новых социокультурных условиях. В том же ряду — возникновение неонародничества (журнал «Заветы»; «Книгоиздательство писателей в Москве», объединившее И.А. Бунина, А.Н. Толстого, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева). Оба движения сближались в стремлении к межсословной гармонии и национальной самобытности, обострившемся в годы Первой мировой войны. Усадьба в новом историческом контексте воспринималась в единстве библейского, античного и национально-фольклорного изводов ретроспективной утопии — как «потерянный рай», исчезнувший «золотой век» и затонувший Китеж (пример последнего — в позднем романе Федора Сологуба «Заклина-

тельница змей»). Но если в «усадебном тексте» XIX в. главным разрушителем социокультурного равновесия выступали дворяне, то в начале XX в., особенно в произведениях эпохи Первой мировой войны и революций 1905 и 1917 гг., это крестьяне (см., например, рассказы Г.И. Чулкова «Дом на песке», А.Н. Толстого «Архип», Е.И. Замятина «Землемер»).

Возросший интерес к дворянской усадьбе в 1910-е гг., когда классических усадеб уже практически не осталось и сама «усадебная культура» была разрушена, вызывает удивление. Похоже, причина здесь в актуализации утопического сознания как такового. Исследователи отмечают два основных мифологических архетипа усадебной жизни — «библейское повествование об изгнании Адама и Евы из рая и античная легенда о Золотом веке» (Глазкова 2008, с. 7). Это соответствует утопическим стремлениям Серебряного века в той их части, которая симпатизирует утопии, но не приемлет революции. А разделявших такую позицию было немало как среди писателей, так и среди читателей начала XX в. Неудивительно, что для писателей-эмигрантов (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, М.А. Осоргина, В.В. Набокова и др.) усадьба стала на многие десятилетия вперед ностальгическим средоточием «потерянного рая» дореволюционной России.

В ходе революции 1917–1918 гг. происходил массовый разгром дворянских усадеб, расхищение и уничтожение хранившихся там культурных ценностей. Все это, как показывают новейшие исследования, было во многом спровоцировано представителями советской власти, но осуществлялось обычно руками крестьян (см.: Рассказова 2010, с. 44–49). В то же время одним из противоречивых начинаний новой власти на первом этапе победившей революции стала деятельность созданного 28 мая 1918 г. Музейного отдела Наркомпроса по выявлению, взятию на учет и сохранению наиболее известных дворянских усадеб и их коллекций. К осени 1918 г. было принято более десятка декретов и распоряжений советского правительства, которые касались вопросов сохранения культурного наследия, в том числе и дворянских усадеб (см.: Рязанцев 2009, с. 3–5). Завершил процесс декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».

Суть утопического сознания — в «мысленном “снятии”

противоречий» современности, «в представлении о том, как должны выглядеть общество, жизнь в идеале» (Полонский 2016). Усадьба Золотого века русской культуры по ряду параметров отвечала этим воззрениям, как будто располагая чертами, в Серебряном веке уже утраченными. С усилением поляризации общества, уродливой урбанизации и массовизации населения, ростом революционно-разрушительных настроений тоска по межсословному равновесию, гармоническому сочетанию природы и культуры, личностной самодостаточности и независимости становилась все сильнее. И, конечно, в предчувствии и переживании социальных взрывов и катаклизмов росла потребность в стабильности, «земляной» устойчивости.

Резюмируя вышесказанное, выделим семь аспектов сельской дворянской усадьбы как пространства ретроспективной утопии в Серебряном веке:

1. *Национально-исторический*: усадебная культура XIX в. как высшее национальное достижение «петербургского периода» русской истории — порядок, не заимствованный из Европы, а «самими наконец-то выжитый» за последние 200 лет, породивший «красивый тип» человека (см.: Достоевский 1975, с. 453). Так что не случайно лучшими героями Федора Сологуба оказались владельцы усадеб: Ермолины («Тяжелые сны»), Рамеевы и Триродов («Творимая легенда»), — а вся мерзость жизни сосредоточилась в городах. Ведь Серебряный век подводил итог «петербургскому периоду» русской истории, ища его общий смысл, его квинтэссенцию. Во многих случаях — в дворянской усадьбе.

2. *Социокультурный*: в пространстве усадьбы реально, эмпирически возникало экзистенциальное единство русской нации (дворян, крестьян, духовенства), расколотой реформами Петра I на неравные антагонистические части, обладавшие разными системами ценностей. Сто лет расцвета «усадебной культуры» давали примеры такого единства: в классической литературе его лучшее выражение — «Война и мир» Л.Н. Толстого. В Серебряном веке, может быть, «Антоновские яблоки» и «Суходол» И.А. Бунина.

3. *Натурфилософский*: органическое единство природы и культуры в рамках усадебной жизни (поэзия А.А. Фета, лирическая проза И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и др.).

4. *Эстетический*: диффузия дворянской европеизированной и народно-крестьянской ветвей русской культуры в несомненном и своеобразном синтезе, усадьба как «художествен-

ный перекресток» (Евангулова 2003, с. 25). Убедительный пример из литературы Серебряного века — «Неупиваемая чаша» И.С. Шмелева.

5. *Личностный*: в усадьбах Золотого и иногда Серебряного веков порой жили крупные самобытные личности с метафизическим чутьем и онтологическим размахом, несмотря на нередко рутинный образ жизни («Земная печаль» Б.К. Зайцева, «Суходол» и «Грамматика любви» И.А. Бунина, прадед Репьев из «Мишуки Нальмова» А.Н. Толстого и даже, как воплощение «богатырства» и «широкости», сам чудовищный Мишука). Этот аспект утопии впервые выдвинулся на заметное место именно в Серебряном веке в связи с разрушением традиционного общества в России, маргинализацией большей части народа, эскалацией массы, умалением личности как главного субъекта истории.

6. *Эскапистский*: место уединения и спасения от мирской суеты и опасностей, обретения «земляной» прочности в эпоху потрясений. Такова, например, позиция Ф.А. Степуна в 1917 г.: «От <...> подлинной России я ждал расцвета религиозной жизни в освобожденной от синодального омирщения патриаршей церкви, сохранения при деревнях и селах помещичьих усадеб в качестве рассадников культуры, что мне казалось совместимым с передачей большей части помещичьей земли трудящимся, сращения воедино долго враждовавших у нас между собой культурных традиций и политических тенденций и превращения русской интеллигенции из ордена революционной борьбы в созидательную национальную силу» (Степун 1956, с. 130). Однако опыт подмосковной деревенской жизни 1918—1920 гг. привел его к иным выводам: в соседней с ним усадьбе репрессированного графа К. «чувствовалась жестокая несправедливость, с которой большевики проводили свою социальную революцию. Тут все дышало подлинной культурой и заботой помещика о крестьянах: неподалеку от барского дома стояли, построенные на графские деньги, хорошие здания школы и больницы. Крестьянские избы были в большем порядке, чем в других деревнях, очевидно, господа не скупились на помощь деньгами и лесом» (там же, с. 296). Похожие впечатления и наблюдения — в дневнике М.М. Пришвина 1917 г., повествующем о жизни писателя на хуторе Хрущево в Елецком уезде Орловской губернии (см.: Пришвин 2007, с. 364-547).

7. *Религиозно-мифологический*: усадьба как уголок рая, что пе-

рекликалось с общей мечтой Серебряного века о «рае на земле». При этом усадьба обычно представлялась не выстрадаанным «тысячелетним царством» хилиазма или вечным Небесным Иерусалимом, но уголком Эдема, утраченного ветхозаветного рая, невинного и несовершенного (без свободы и познания), из которого неизбежно изгнание. Тоска по этому когда-то бывшему раю, идеализация старинной дворянской усадьбы, безвозвратно ушедшей в прошлое, заметны в поэзии и лирической прозе Серебряного века. Такова ностальгия И.А. Бунина в «Грамматике любви». В рассказе Б.К. Зайцева «Мать и Катя» усадьба Панурина — рай, который прекрасен, но из которого неизбежен уход. Мотив усадьбы как рая до грехопадения (чистая юность в контрасте с небезупречной зрелостью), рая, в который нет и не может быть возврата, но который светит как эталон должного бытия, как родина всего лучшего в человеческой душе, — в зайцевском рассказе «Осенний свет».

Каждый из представленных аспектов достоин специального рассмотрения, отдельного развернутого исследования. Их совокупность может составить главы большой работы, а настоящая статья — быть введением к ней.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1996 — Адамович Г.В. Одиночество и свобода. М., 1996.
Аксаков 2002 — Аксаков И.С. «Отчего так нелегко живется в России?» М., 2002.
Басинский 2010 — Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая. М., 2010.
Бердяев 2005 — Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2005.
Богданова 2008 — Богданова О.А. Под созвездием Достоевского: Художественная проза рубежа XIX—XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. М., 2008.
Гершензон 1989 — Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.
Глазкова 2008 — Глазкова М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
Гоголь 1992 — Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.
Городнова 2010 — Городнова Л.Е. Смысловый континуум понятия «усадьба» [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии.

2010. № 2 (17). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smyslovoy-kontinuum-ponyatiya-usadba>
- Дмитриева 2002 — Дмитриева Е.Е. Русская усадьба: конец золотого века // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного сознания: материалы российско-французской конференции: в 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 286–299.
- Дмитриева, Купцова 2008 — Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008.
- Достоевский 1975 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. Л., 1975.
- Евангулова 2003 — Евангулова О.С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003.
- Егоров 2007 — Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. Каждан 1997 — Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.
- Лотман 1994 — Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Полонский 2016 — Полонский В.В. Утопия в литературе [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/UTOPIYA_V_LITERATURE.html?page=0,1
- Пришвин 2007 — Пришвин М.М. Дневники 1914–1917. СПб., 2007.
- Рассказова 2010 — Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): Официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. 2010. Вып. 2. С. 44–49.
- Рузвельт 2008 — Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: Опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008.
- Рязанцев 2009 — Рязанцев Н.П. Материалы музейного отдела Наркомпроса об охране дворянских усадеб (1918 — начало 1920-х гг.) // Русская усадьба XVIII — начала XXI вв. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации: материалы научной конференции. Ярославль, 2–3 июля 2009 г. / Сост. Е.В. Яновская. Ярославль, 2009. С. 3–9.
- Степун 1956 — Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся: В 2 т. Т. II. Нью-Йорк, 1956.
- Топорина, Голубева 2015 — Топорина В.А., Голубева Е.И. Русская провинциальная дворянская усадьба как природное и культурное наследие. М., 2015.
- Щукин 2002 — Щукин В.Г. Между полюсами: Об органичности и судьбоносности русского западничества // Вестник Европы. 2002. № 7–8. С. 178–193.
- Щукин 2007 — Щукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.

Дворянская усадьба Серебряного века в пространстве ретроспективной утопии

Утопическое мышление — одно из конститутивных свойств культурной эпохи конца XIX — начала XX в. в России. Социально-эстетические идеалы виделись не только в будущем, но и в прошлом. В частности, наблюдалась тенденция к идеализации дворянской усадьбы, в начале XX в. стоявшей на грани эмпирического исчезновения, но в произведениях литературы и искусства нередко выступавшей как образец гармонического сочетания духовного, душевного и материально-телесного начал в земной жизни. В статье выделены и обрисованы семь аспектов русской сельской дворянской усадьбы как воплощения ретроспективной утопии в Серебряном веке: национально-исторический, социокультурный, эстетический, натурфилософский, личностный, эскапистский, религиозно-мифологический.

Ключевые слова: ретроспективная утопия, «усадебная культура», «петербургский период» русской истории, Серебряный век, дворянство, крестьянство, пассеизм, неославянофильство, нео-народничество.

Manor House of the Silver Age in the Space of Retrospective Utopia

Utopian thinking is one of the constitutive features of the cultural era of the late 19th — early 20th century in Russia. Socio-aesthetic ideals were seen not only in the future but also in the past. In particular, there was a tendency to idealize manor houses which in the beginning of the 20th century stood on the brink of empirical extinction but in works of literature and art often appeared as a model of balanced combination of spiritual, mental and material/corporal elements in earthly life. The article highlights and outlines seven aspects of Russian rural manor houses as the embodiment of the retrospective utopia of the Silver Age: national historical, sociocultural, aesthetical, natural philosophical, aspect of personality, escapist, religious mythological.

Keywords: retrospective utopia, «manor culture», «St. Petersburg period» of Russian history, the Silver Age, the nobility, the peasantry, passéisme, neo-Slavophilism, neo-narodniks.